

Кондрашкина Е. А. Проблемы витальности языков народов Российской Федерации в прошлом и настоящем / Е. А. Кондрашкина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 63—77. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-63-77.

Kondrashkina, I. A. (2020). Problems of the Languages Vitality of the Peoples of Russian Federation in Past and Present. *Nauchnyi dialog*, 5: 63-77. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-63-77. (In Russ.).



УДК 81'272(470)“19/20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-63-77

## ПРОБЛЕМЫ ВИТАЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

© Кондрашкина Елена Алексеевна (2020), orcid.org/0000-0002-4839-2432, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), e.kondrashkina@inbox.ru.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами витальности языков народов Российской Федерации. Отмечается, что решение этих проблем находилось на низком уровне и в период СССР, и в настоящее время в ее отношении не наблюдается существенных изменений. Дается анализ понятия витальности, ее основных показателей и факторов, влияющих на ее уровень. Представлен социолингвистический обзор языков Российской Федерации по официальному статусу, закрепленному в конституциях, законах о языках и прочих нормативных документах. Особое внимание уделяется национально-языковой политике государства и тем экстралингвистическим аспектам, которые оказали большое влияние на ценностные ориентации носителей языка. Приводятся статистические показатели снижения функциональной значимости национальных языков и усилившейся тенденции языкового сдвига в пользу русского языка. Доказывается, что придание официального статуса государственных титульным языкам республик принесло мало изменений в региональную языковую ситуацию. Актуальность исследования обусловлена тем, что прошедший 2019 год был объявлен Генеральной Ассамблеей ООН Международным годом языков коренных народов, а также тем фактом, что в Российской Федерации последние годы оказались конфликтными в вопросе о добровольном и обязательном изучении в школах всеми учащимися государственных титульных языков республик, невзирая на национальность и желание самого ученика. Новизна видится в том, что автор анализирует витальность языков наиболее крупных народов РФ численностью свыше 1 млн чел. и свыше 500 тыс. чел. в разные временные отрезки.

Ключевые слова: витальность языка; статусные языки; функциональная нагрузка языка; психологический фактор; законы о языках; языковой сдвиг.

### 1. Введение

Витальность языка, или его жизнеспособность, в словаре социолингвистических терминов определяется как «способность языка к дальнейшему

развитию, изменению или сохранению структурных и, главным образом, функциональных качеств» [Словарь ..., 2006, с. 37]. Уровень витальности языка может быть высоким, средним или низким и зависит от большого количества факторов, носящих как объективный, так и субъективный характер. К объективным факторам можно отнести демолингвистические (количество говорящих на языке, количество признающих его родным), экономические (сумма средств, выделяемых властью на сохранение и развитие языка), социально-политические (языковая политика государства, наличие программ поддержки языков) и др., к субъективным — психологическое отношение к языку, определяющее ценностные ориентации носителя языка, его языковое сознание. Причем, как отмечает В. Ю. Михальченко, некоторые ученые, особенно за пределами России, считают субъективные факторы наиболее значимыми [Михальченко, 2000, с. X].

Большое значение имеет также функциональная развитость языка, количественную оценку которой разработали в 1990-е годы в Международном центре исследований по языковому планированию Университета им. Лавалея (Квебек, Канада) под руководством известного канадского ученого Г. Д. МакКоннелла [McConell, 1996]. Витальность языка, согласно данной методике, измеряется количеством социальных функций языка и интенсивностью его применения в наиболее важных сферах общения, таких как образование, наука, СМИ, административная деятельность, законо- и судопроизводство, промышленность, религия, национальная культура и некоторые другие, — в социоллингвистике это принято называть «функциональной мощностью» языка. При разработке программ, нацеленных на поддержку и расширение функционального развития языка, пристальное внимание необходимо уделять наличию соответствующей инфраструктуры: образовательных учреждений, средств массовой информации, издательства книг на языке и т. д. Очевидно, что национальный язык не может обслуживать все сферы общения в многонациональных республиках России, главное — чтобы он функционировал в тех сферах, которые важны для данного народа в определенном регионе. Исключение национальных языков из актуальных сфер общения грозит им снижением уровня витальности. И если ранее российские исследователи отмечали, что под угрозой исчезновения находятся малочисленные языки, то есть те, количество носителей которых не превышает 50 тыс. чел., то к концу XX — началу XXI веков проблема витальности стала касаться даже тех языков, которые приобрели статус государственных в республиках Российской Федерации и, казалось бы, защищены правовыми актами.

## 2. Социолингвистический обзор языков крупных народов Российской Федерации

По различным подсчетам, в Российской Федерации функционируют 150—180 языков. Точное количество не определено, поскольку нет четкого разграничения языка и диалекта. Коренные народы, проживающие на территории Российской Федерации, и их языки различаются своей численностью. 61 народ относится к малочисленным [Михальченко, 2016, с. 10—12]. Наиболее многочисленными, по данным переписи 2010 года, являются русские (111,02 млн чел.). После возвращения Крыма в Россию численность русских увеличилась еще на 1,49 млн чел. Вторые по численности — татары (5,3 млн чел., плюс 231,3 тыс. крымских татар). Три народа насчитывают свыше миллиона человек: башкиры, чувашы и чеченцы. Народами (свыше 500 тыс. чел.), наряду с вышеуказанными, являются также: аварцы, даргинцы, кумыки, кабардинцы, марийцы, мордва, осетины и удмурты [Итоги ..., 2012, с. 9—20]. Таким образом, языки 12 коренных народов России, кроме русского языка, можно отнести к крупным, они и будут объектом исследования данной статьи. Русский язык — государственный язык Российской Федерации, защищенный законами и другими правовыми актами, является языком мажоритарного народа, и его витальность не вызывает опасений. Языки остальных народов России, насчитывающих менее 500 тыс. чел., кроме тех, что являются государственными языками соответствующих республик, анализировать трудно, так как они в основном не имеют юридического статуса и по ним мало сведений, кроме переписей населения, они редко становятся объектом исследования ученых.

Языки указанных выше 12 крупных народов являются государственными в 10 республиках: татарский — в Татарстане, башкирский — в Башкортостане, чувашский — в Чувашской республике, чеченский — в Чеченской республике, аварский, даргинский и кумыкский языки — в Дагестане, кабардинский — в Кабардино-Балкарской республике, марийский — в республике Марий Эл, мордовский — в Мордовии, осетинский — в республике Северная Осетия (Алания), удмуртский — в Удмуртской республике. Статус языков закреплён в конституциях республик и в законах о языках, которые были приняты в период с 1992 по 2007 годы.

Для полиэтнической России очень важно, чтобы государственными национальными языками владело титульное население республик, прежде чем начинать распространять эти языки среди других этнических общностей, проживающих в данном регионе. Переписи населения показывают, что количество индивидов, владеющих национальными государственными языками, сокращается. Рассмотрим, как менялось их количество в десяти

указанных республиках, на основе сравнения переписей 2002 и 2010 годов (табл. 1).

Таблица 1

Количество владеющих языками в 2002 и в 2010 годах (в %)

Язык	Перепись 2002 г.	Перепись 2010 г.	Разница в %
татарский	94,2	92,4	-1,8
башкирский	74,7	67,4	-7,3
чувацкий	85,8	80,6	-5,2
чеченский	97,5	99,3	+1,8
аварский	96,4	87,5	-8,9
даргинский	99,1	83,4	-15,7
кумыкский	99,1	79,3	-19,8
кабардинский	98,9	87,1	-11,8
марийский	84,2	68,1	-16,1
мордовский	84,6	57,4	-27,2
осетинский	96,8	87,5	-9,3
дагестанский	71,8	55,8	-16

Источники: [Перепись 2002 ...; Итоги ..., 2012, с. 184—196].

Чеченская Республика — единственная, в которой число носителей родного языка увеличилось, а не снизилось. В остальных республиках количество владеющих родными языками, хотя и сократилось, но пока еще остается достаточно оптимистичным (более половины), однако, если снижение будет продолжаться такими темпами, это будет грозить потерей языков в будущем. Перепись 2020 года покажет изменения.

Отметим еще некоторые особенности знания родного языка в республиках: во-первых, число владеющих им больше в сельской местности, где и проживает основное количество титульного населения; во-вторых, этническим языком пользуются чаще представители старшего поколения от 60 лет и выше.

Сравним уровни владения русским языком в республиках по итогам тех же двух переписей (табл. 2).

Как видно из таблицы, подавляющее большинство титульного населения рассматриваемых республик владеет русским языком. Но перепись 2010 года отразила еще и факт языкового сдвига, когда родным признается не язык своего этноса, а другой, в данном случае — русский. Таким образом, понятия национальности и родного языка у части некоторых народов перестают совпадать. К сожалению, переписи не всегда могут отразить

Таблица 2

## Количество владеющих русским языком в 2002 и в 2010 годах (в %)

Народы	Перепись 2002 года	Перепись 2010 года	Разница в %
татары	92,9	95,5	+2,6
башкиры	93	96,4	+3,4
чуваши	95,6	97,9	+2,3
чеченцы	80,4	91,5	+11,1
аварцы	85	88,3	+3,3
даргинцы	86,7	90	+3,3
кумыки	90,3	91,7	+1,4
кабардинцы	92,7	93,7	+1
марийцы	97	98,2	+1,2
мордва	98,7	99,5	+0,8
осетины	96	96,6	+0,6
удмурты	98,4	99	+0,6

Источники: Перепись 2002 ...; Итоги ..., 2012, с. 77—92.

полную характеристику действительного положения тех, кто заполняет переписные листы, так как невозможно учесть психологию индивида, а именно: на каком языке он думает, знает ли русский язык в совершенстве, говорит ли на нем в семье, или его выбор и запись в листе связаны с какими-то прагматическими моментами. Поскольку в переписи 2002 года вопроса о родном языке не было и сравнение невозможно, обратимся к переписи 2010 года. Согласно последней, считали родным языком русский 5,74 % татар, 7,7 % башкир, 22,6 % чувашей, 0,009 % чеченцев (всего 104 чел.), 0,17 % аварцев, 0,2 % даргинцев, 0,18 % кумыков, 0,78 % кабардинцев, 18 % марийцев, 18 % мордвы, 2,36 % осетин, 34,9 % удмуртов [Итоги ..., 2012, с. 263—274]. Наибольший языковой сдвиг наблюдается у чувашей и финно-угорских народов Поволжья, наименьший — у народов Кавказского региона. Немаловажной причиной языкового сдвига может являться демографическая ситуация в республиках, то есть соотношение русского и титульного населения. Например, в Удмуртии русское население составляет 60 % от всего населения, а титульное — 27 %, в Марий Эл русское — 45,1 %, титульное — 41,8 %, в Мордовии русское — 53,2 %, титульное — 39,9 % [Там же, с. 86—91]. В Чеченской Республике русское население всего 1,9 %, в Северной Осетии (Алании) — 20,6 [Там же, с. 81—83], чем и можно объяснить наименьший процент языкового сдвига у этих народов. Отличается от этих республик Чувашия, в которой один из самых боль-

ших процентов людей, признающих родным языком русский, хотя русское население там всего 25,8 %, а титульное — 65,1 % [Там же, с. 91—92]. Можно предположить, что это как-то связано с экономической ситуацией, поскольку в Чувашии самый высокий процент сельского населения и наименее развитая экономика среди всех регионов Приволжского федерального округа, что приводит к миграции сельского населения в города, где доминирует русский язык, а трудоспособного населения, чаще мужского, — в другие регионы России [Алос-и-Фонт, 2017, с. 202] в поисках работы, где им приходится пользоваться русским языком.

Известный финский исследователь финно-угорских народов Сеппо Лаллука считает: «Смена родного языка составляет, пожалуй, наиболее существенный шаг в процессе этнической реидентификации. Трудно представить себе какой-либо другой феномен, более выразительно характеризующий стадию, достигнутую центральными финно-угорскими народами в движении каждого из них в направлении ассимиляции» [Lalluka, 1990, с. 173].

Далее рассмотрим вопрос о функциональной мощности языков. Выделить сферы общения и определить их количество, чтобы затем просчитать функциональную мощность языка, пытались многие ученые, при этом количество сфер у всех авторов различалось — от 5—6 до 20 и более. На самом деле, составить список сфер — довольно трудная задача, так как число их может изменяться с появлением новых технологий. Доминантными сферами общения в словаре социолингвистических терминов названы такие регулируемые сферы, как образование, массовая коммуникация, а также государственное управление, законодательство и судопроизводство, наука и некоторые другие, то есть такие сферы, в которых применяется регулирование со стороны административных и государственных органов, направленное на упорядочение использования языков [Словарь ..., 2006, с. 64, 182].

Первое место по значимости занимает сфера образования, именно от нее зависит языковая компетенция всего общества, поскольку такой важный фактор для сохранения языка, как передача его в семье от старшего поколения младшему, в последнее время окончательно утратил свое значение, особенно в условиях города. Среднее и младшее поколения выросли уже в советское время, которое характеризуется активной русификацией и изучением русского языка во всех классах школы, в то время как национальные языки изучаются, по мнению учителей, подобно иностранным, с гораздо меньшим количеством уроков в неделю. Для сохранения языка особенно важно, чтобы на нем проходило обучение. Как отмечает венгерский ученый Я. Пустаи, только те языки имеют высокий престиж, на которых ведется обучение [Пустаи, 2018, с. 47]. Но приходится от-

мечать, что обучение на языке в некоторых регионах не развито совсем или ведется только в начальных классах сельских школ. По данным за 2006/2007 учебный год, в полных средних школах (с 1-го по 11 классы) проходило обучение только на татарском, башкирском, чувашском и марийском луговом языках, с 1-го по 4 классы — на аварском, даргинском, кумыкском, кабардинском, марийском горном, мордовском мокшанском, осетинском, удмуртском и чеченском языках, с 1-го по 9 классы — на мордовском эрзянском языке [Горячева, 2010, с. 112—114]. К настоящему времени обучение осталось только на татарском, башкирском, чувашском и 3-х языках Дагестана. Все остальные языки изучаются только как предмет по 2—4 часа в неделю, что не дает возможности овладеть ими, тем более что за порогом школы языковая среда отсутствует. Еще 20 лет назад, в 2000 году, известный мордовский ученый М. В. Мосин писал, что развитие языка невозможно, если на нем ведется обучение только до 5-го класса и не изучаются никакие предметы на языке [Мосин, 2000, с. 15]. Но и спустя 20 лет положение не изменилось. Другой исследователь финно-угорских языков, венгерский ученый Ф. Ласло на примере удмуртского языка, который он обследовал, установил, что такие предметы школьной программы, как музыка, рисование и физкультура, можно полностью преподавать на национальном языке, а такие, как география и история, — частично [Ласло, 2006, с. 347].

Еще одной важной сферой функционирования языков является сфера средств массовой информации. По данным Российской книжной палаты за 2019 год, выходили газеты на татарском языке в количестве 169 наименований, на башкирском — 46, на чувашском — 42, на чеченском — 21, на аварском — 23, на даргинском — 9, на кумыкском — 8, на кабардинском — 4, на марийском — 12, на мордовском (мокшанском и эрзянском) — 10, на осетинском — 18, на удмуртском языке — 15 наименований газет [Российская ..., 2019].

Что касается радио и телевидения, то здесь преобладают передачи на русском языке, хотя положение в республиках разное. Например, в Башкортостане 78 % вещания на ТВ идет на башкирском языке, а на радио — 34 % [Искужина, 2017, с. 183]. В Татарстане передачи телевидения выпускаются на русском и татарском языках, при этом опросы показали, что телепрограммы на русском пользуются большей популярностью, чем на татарском: их смотрит 88,2 % населения, на татарском — 44,1 %. Причем на татарском предпочитают смотреть татарские спектакли, музыкальные и развлекательные передачи, а новости — на русском [Сагитова, 2017, с. 127]. В Марий Эл при просмотре программы передач ТВ на текущую

неделю на марийском языке были обнаружены только новости один раз в день в разное время, которые передает «Марий Эл ТВ». Что касается языков Дагестана, аварского, даргинского и кумыкского, то на них ведутся радиопередачи, как и на остальных 11 языках республики, включая русский. В неделю из 120—130 часов вещания на радио 10 часов 25 минут отводится на дагестанские языки. На телевидении передачи идут в основном на русском языке, а на аварском, даргинском и кумыкском языках раз в неделю (кроме воскресенья) выходят передачи по одной в день в прайм-тайм — 18.46 [Колесник, 2016, с. 713].

Принятые в республиках законы о языках, их статьи, касающиеся сферы административной деятельности, носят скорее декларативный, нежели практический характер. Они не устанавливают области обязательного использования государственных языков республик. Очевидно, что общение с федеральным центром должно проходить на русском языке, но внутри республики местные органы власти, особенно в сельской местности, могли бы работать на втором государственном языке — национальном. В текстах законов иногда содержатся такие оговорки, как «по мере возможностей» или «при необходимости». Последняя, например, есть в законе о языках Мордовии, в котором использование мордовского (мокшанского и эрзянского) языка в области делопроизводства, судопроизводства, в государственных органах, организациях и предприятиях осуществляется «при необходимости», однако можно усомниться, что при доминировании русского населения и русского языка такая необходимость возникнет. Законы закрепляют права граждан на использование государственных языков, но в них не сформулированы обязанности местных властей, не даны разъяснения, как они должны обеспечивать эти права. В законодательных документах явно прослеживается разрешительный, а не обязывающий стиль статей, поэтому они не работают. А как показали опросы населения в некоторых республиках, большинство там живущих вообще не знают, что такие законы приняты, и не читали их.

### **3. Проблемы витальности языков России: исторический аспект**

В данной части статьи рассмотрим вопрос витальности национальных языков во времена существования СССР.

Период 1920-х годов принято называть временем языкового строительства. Ставилась задача ликвидации неграмотности, в связи с чем создавались национальные алфавиты, унифицировались уже существующие, разрабатывались вопросы по использованию национальных языков в государственных и общественных учреждениях, в системе образова-



ния и культуры. Политика подготовки и привлечения к работе местных кадров называлась «коренизацией». В области развития национальных языков в те годы было много достижений: открывались национальные школы, в которых обучение начиналось на родном языке, а русский язык становился предметом изучения после начальной школы, начали издаваться газеты на языках, художественная литература (чаще переводили произведения русских классиков), языки стали применяться в публичных выступлениях, деловой переписке, делопроизводстве. Первые успехи оказали большое влияние на психологический настрой народов: это были годы энтузиазма и глубокого осознания своей этнической идентичности [Кондрашкина, 2018, с. 25].

1930-е годы обернулись борьбой с так называемым «буржуазным национализмом», в частности, «панфинизмом», или «панфинноугризмом». Возникла версия о том, что Финляндия готовится к нападению на СССР, чтобы захватить территории до Урала, а помогают им якобы в этом финно-угорские народы — коми, марийцы, мордва и удмурты. Под «национализмом» в тот период понималась приверженность своему родному языку, культуре, истории, фольклору. Представители новой, только зародившейся финно-угорской интеллигенции объявлялись шпионами и агентами Финляндии, организаторами контрреволюционных группировок. Их ссылали в лагеря или расстреливали. Массовые репрессии нанесли огромный ущерб всему, что было сделано за годы языкового строительства, практически уничтожив достигнутое. В обществе поселились тревога и страх, психологическое напряжение, боязнь пользоваться своими родными языками из-за обвинения в «национализме», которое дамкловым мечом висело над каждым. Как писал известный марийский ученый К. Н. Сануков, «в результате этого этнический идентитет оказался на низком уровне. Показателем этого стало широко распространенное чувство национального нигилизма, создалось определенное внутреннее состояние отчужденности от языка и культуры своего народа, выработалось ощущение их общественной ненужности» [Сануков, 2001, с. 132—133].

В 1930—1940-е годы главным направлением языковой политики была политика русификации на всех направлениях, поскольку этого требовало развитие страны. Русский язык был введен в обучение с первого класса, количество часов на его изучение увеличилось, национальные школы потеряли свое прежнее значение и стали закрываться. В 1958 году было принято решение о праве родителей выбирать школу для своих детей, не принимая во внимание родной язык, и родители, понимая, что русский язык дает большие преимущества, записывали детей в русские школы.

В 1960—1980-е годы русификация продолжилась теперь под новым идеологическим лозунгом о возникновении в стране «новой исторической общности — советского народа», родным языком которого является русский язык. Глобальное распространение русского языка привело к тому, что национальные языки оказались в бедственном положении: они стали ненужными, на них стеснялись говорить в общественных местах, и количество людей, считавших их родными, неуклонно сокращалось. Статус национальных языков понизился до положения языков семейно-бытового общения. «Продолжались сказываться последствия репрессий 30-х годов, которые дополнялись морально-психологическим давлением на национальные чувства и национальное сознание народа, когда слово “национализм”, как и в сталинские времена, снова стало устрашающим пугалом» [Кондрашкина, 2018, с. 29]. Как отмечал К. Н. Сануков, «народы были вновь низведены до униженного состояния, психологии второсортности своего языка, родной культуры, собственных обычаев и традиций» [Сануков, 2001, с. 135]. Все эти обстоятельства, естественно, отразились на витальности национальных языков, уровень которой в период существования СССР был на самом низком уровне.

#### **4. Проблемы витальности языков России на современном этапе**

С приходом к власти М. С. Горбачева в 1985 году и объявлением гласности в стране началась перестройка. В республиках возникли национальные движения в защиту своих языков и культуры. В октябре 1991 года был принят закон РСФСР «О языках народов РСФСР», в котором впервые русский язык объявлялся государственным языком, другие республики также получили право устанавливать свои государственные языки. Татарстан одним из первых в 1992 году принял закон о языках, в 1994 году закон был принят в Дагестане и Северной Осетии (Алании), в 1995 — в Марий Эл и Кабардино-Балкарии, в 1998 — в Мордовии, в 1999 — в Башкортостане, в 2001 — в Удмуртии, в 2003 — в Чувашии и в 2007 — в Чеченской Республике [Орешкина, 2016, с. 843—844]. Национальные языки, объявленные государственными наряду с русским языком, получили новый импульс для развития. Были разработаны программы по реализации законов о языках. Например, в Марий Эл программа, рассчитанная на срок с 2000 по 2005 годы, состояла из 64 пунктов.

Со времени принятия законов прошло уже достаточно времени, но изменений в этноязыковой ситуации республик в лучшую сторону не наблюдается, более того, продолжается активное изучение и использование русского языка. Возникает вопрос — способствуют ли законы о языках и их защите, поддержке и развитию? Практика показывает, что нет.

Однако справедливости ради следует отметить, что некоторые успехи все же есть: на улицах населенных пунктов республик и в организациях появились названия на русском и этническом языках, чаще слышны разговоры на национальных языках, увеличилось количество выпускаемой художественной литературы и учебников на них, появляется интернет, функционирующий на национальных языках, проводятся Дни языка и всевозможные народные праздники. Власти республик и национальные объединения используют различные возможности, чтобы усилить интерес к языкам.

В последние годы имели место попытки в ряде республик, в частности, Татарстане, Удмуртии и некоторых других, сделать титульный государственный язык обязательным для изучения всеми школьниками, несмотря на национальность обучающихся и желание их родителей. Нововведения привели к конфликту между разными этническими группами, в основном было не согласно с этим русское население. Дело дошло до уличных выступлений. Особенно обострилась ситуация в Татарстане и Башкортостане. Острота конфликта вынудила вмешаться В. В. Путина, который, выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле в июле 2017 года, высказался за добровольное изучение языков. Тем не менее в октябре 2017 года Совет старейшин Удмуртской Республики обратился к главе республики с наказом ввести удмуртский язык в программы всех школ, поскольку он занесен в список ЮНЕСКО как «исчезающий» [Шабаетов и др., 2018, с. 72].

Годом позже в июле 2018 года Президентом был подписан Закон о добровольном изучении национальных языков [Закон ..., 2018].

## 5. Заключение

Подводя итог сказанному, отметим, что витальность языков крупных народов РФ и в прошлом, и в настоящем находится не на должном уровне. Главная причина видится в той политике, которую проводило и проводит государство, — политике русификации. Несомненно, сказываются и психологические факторы, возможно, они играют главную роль в формировании нигилистического отношения к этническим языкам, поскольку десятилетиями проводилась политика отторжения населения от родных языка и культуры, что привело, по словам К. Н. Санукова, к состоянию «национальной принижённости» [Сануков, 2001, с. 137]. И, хотя все еще сказываются последствия политики КПСС в прошлом, в XXI веке, на наш взгляд, действуют уже другие факторы, а именно: возможности, которые дает знание русского языка для всех народов РФ, особенно для современного молодого поколения.

## Литература

1. *Алос-и-Фонт Э.* Ситуация с чувашским языком в образовательной системе Чувашской Республики / Э. Алос-и-Фонт // Многоязычие в Волго-Уральском регионе. Том 1 : Актуальная языковая политика и языковая ситуация / Даниэль Мюллер, Моника Вингендер (ред.). — Frankfurt am Main, 2017. — С. 199—220.
2. *Горячева М. А.* Российская Федерация : функционирование языков в современном образовательном пространстве / М. А. Горячева. — Москва : Новый хронограф, 2010. — 265 с.
3. *Закон о добровольном изучении национальных языков* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [ntv.ru/novosti/2055940/](http://ntv.ru/novosti/2055940/).
4. *Искужина Н. Г.* Языковая ситуация в Республике Башкортостан на современном этапе / Н. Г. Искужина // Многоязычие в Волго-Уральском регионе. Том 1 : Актуальная языковая политика и языковая ситуация / Даниэль Мюллер, Моника Вингендер (ред.). — Frankfurt am Main, 2017. — С. 177—185.
5. *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.* В 11-ти т. — Москва : Статистика России, 2012. — Том 4, книга 1. — 2101 с.
6. *Колесник Н. Г.* Языковая ситуация в Республике Дагестан / Н. Г. Колесник // Язык и общество. Энциклопедия. — Москва : Азбуковник, 2016. — С. 704—717.
7. *Кондрашкина Е. А.* Влияние психологического фактора на витальность языка / Е. А. Кондрашкина // Вопросы психолингвистики. — 2018. — № 3 (37). — С. 22—35.
8. *Ласло Ф.* Возможные пути сохранения удмуртского языка : взгляд со стороны / Ф. Ласло // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. — Ижевск, [б. и.], 2006. — С. 346—350.
9. *Михальченко В. Ю.* Введение / В. Ю. Михальченко // Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. — Москва : «Academia». — 2000. — С. IX—LV.
10. *Михальченко В. Ю.* Языковая ситуация и языковая политика в современной России / В. Ю. Михальченко // Язык и общество. Энциклопедия. — Москва : Азбуковник, 2016. — С. 5—16.
11. *Мосин М. В.* Мордовские (мокшанский и эрзянский) литературные языки : состояние, проблемы и перспективы развития / М. В. Мосин // Финно-угристика на пороге III тысячелетия : материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (2—5 февраля 2000 г.). — Саранск : Мордовский государственный университет, 2009. — С. 11—19.
12. *Орешкина М. В.* Языковое законодательство в Российской Федерации / М. В. Орешкина // Язык и общество. Энциклопедия. — Москва : Азбуковник, 2016. — С. 835—847.
13. *Перепись 2002 г.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [perepis2002.ru/index.html?id=17](http://perepis2002.ru/index.html?id=17).
14. *Пустаи Я.* Актуальные мысли о положении финно-угорских языков Российской Федерации / Я. Пустаи // Проблемы марийской и сравнительной филологии : сборник статей. — Йошкар-Ола : [б. и.], 2018. — С. 46—52.
15. *Российская книжная палата* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [www.bookchamber.ru](http://www.bookchamber.ru).
16. *Сагитова Л. В.* Глобализация и татароязычные СМИ : стимулы и ограничения развития / Л. В. Сагитова // Многоязычие в Волго-Уральском регионе. Том 1 : Акту-

альная языковая политика и языковая ситуация / Даниэль Мюллер, Моника Вингендер (ред). — Frankfurt am Main, 2017. — С. 121—132.

17. *Сануков К. Н.* Финно-угорские народы России : проблемы национального идентитета / К. Н. Сануков // Финно-угроведение. — 2001. — № 1. — С. 128—140.

18. *Словарь* социолингвистических терминов. — Москва : [б. и.], 2006. — 312 с.

19. *Шабает Ю. П.* Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках : конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением) / Ю. П. Шабает, В. С. Воронцов, О. В. Орлова, А. В. Мартыненко, Н. П. Миронов // Вопросы филологии. — 2018. — № 1 (61). — С. 62—74.

20. *G. D. McConnell.* A Model of Language Development and Vitality / G. D. McConnell // Indian Journal of Applied Linguistics. — New Delhi. — 1996. — Vol. 22, № 1. — Pp. 33—47.

21. *Lalluka S.* The East Finnic Minorities in the Soviet Union : An Appraisal of the Erosive Trends / S. Lalluka. — Helsinki : Suomalainen tiedeakatemia, 1990. — 344 p.

---

## PROBLEMS OF THE LANGUAGES VITALITY OF THE PEOPLES OF RUSSIAN FEDERATION IN PAST AND PRESENT

© **Elena A. Kondrashkina (2020)**, [orcid.org/0000-0002-4839-2432](https://orcid.org/0000-0002-4839-2432), PhD in Philology, senior researcher, Research Center for National-Language Relations, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), [e.kondrashkina@inbox.ru](mailto:e.kondrashkina@inbox.ru).

The issues related to the problems of vitality of the languages of the peoples of the Russian Federation are discussed in the article. It is noted that the solution to these problems was at a low level during the USSR period, and at present there are no significant changes in its attitude. The analysis of the concept of vitality, its main indicators and factors affecting its level is given. A sociolinguistic review of the languages of the Russian Federation on the official status enshrined in constitutions, laws on languages and other normative documents is presented. Particular attention is paid to the national linguistic policy of the state and those extra-linguistic aspects that have had a great influence on the value orientations of native speakers. Statistical indicators of the decrease in the functional significance of national languages and the growing trend of a language shift in favor of the Russian language are given. It is proved that the official status of the state title languages of the republics has brought little change to the regional language situation. The relevance of the study is due to the fact that the past 2019 was declared by the UN General Assembly as the International Year of Indigenous Languages, as well as the fact that in the Russian Federation recent years have been conflicting regarding the voluntary and compulsory study in schools by all students of the state title languages of the republics, despite on the nationality and desire of the student himself. The novelty is seen in the fact that the author analyzes the vitality of languages of the largest peoples of the Russian Federation with a population of over 1 million and over 500 thousand in different time periods.

Key words: vitality of language; status languages; functional load of language; psychological factor; language laws; language shift.

## REFERENCES

- Alos-i-Font, E. (2017). Situatsiya s chuvashskim yazykom v obrazovatelnoy sisteme Chuvashskoy Respubliki. In: D. Myuller, M. Vingender (ed.). *Mnogoyazychiye v Volgo-Uralskom regione, 1: Aktualnaya yazykovaya politika i yazykovaya situatsiya*. Frankfurt am Main. 199—220. (In Russ.).
- Goryacheva, M. A. (2010). *Rossiyskaya Federatsiya: funktsionirovaniye yazykov v sovremenno obrazovatelnom prostranstve*. Moskva: Novyy khronograf. (In Russ.).
- Iskuzhina, N. G. (2017). Yazykovaya situatsiya v Respublike Bashkortostan na sovremennom etape. In: D. Myuller, M. Vingender (ed.). *Mnogoyazychiye v Volgo-Uralskom regione, 1: Aktualnaya yazykovaya politika i yazykovaya situatsiya*. Frankfurt am Main. 177—185. (In Russ.).
- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. V 11-ti t., 4 (1)*. (2012). Moskva: Statistika Rossii. (In Russ.).
- Kolesnik, N. G. (2016). Yazykovaya situatsiya v Respublike Dagestan. In: *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Moskva: Azbukovnik. 704—717. (In Russ.).
- Kondrashkina, E. A. (2018). Vliyaniye psikhologicheskogo faktora na vitalnost' yazyka. *Voprosy psikholingvistiki*, 3 (37): 22—35. (In Russ.).
- Lalluka, S. (1990). *The East Finnic Minorities in the Soviet Union: An Appraisal of the Erosive Trends*. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia.
- Laslo, F. (2006). Vozmozhnyye puti sokhraneniya udmurtskogo yazyka: vzglyad so storony. *Problemy i perspektivy funktsionirovaniya rodnykh yazykov*. Izhevsk, [b. i.]. 346—350. (In Russ.).
- McConnell, G. D. (1996). A Model of Language Development and Vitality. *Indian Journal of Applied Linguistics*, 22 (1). New Delhi. 33—47.
- Mikhailchenko, V. Yu. (2000). Vvedeniye. In: *Pismennyye yazyki mira. Yazyki Rossiyskoy Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya, 1*. Moskva: «Academia». IX—LV. (In Russ.).
- Mikhailchenko, V. Yu. (2016). Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v sovremennoy Rossii. In: *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Moskva: Azbukovnik. 5—16. (In Russ.).
- Mosin, M. V. (2009). Mordovskiy (mokshanskiy i erzyanskiy) literaturnyye yazyki: sostoyaniye, problemy i perspektivy razvitiya. *Finno-ugristika na poroge III tysyacheletiya. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii finno-ugrovedov (2—5 fevralya 2000 g.)*. Saransk: Mordovskiy gosudarstvennyy universitet. 11—19. (In Russ.).
- Oreshkina, M. V. (2016). Yazykovoye zakonodatelstvo v Rossiyskoy Federatsii. In: *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Moskva: Azbukovnik. 835—847. (In Russ.).
- Perepis' 2002 g.* Available at: [perepis2002.ru/index.html?id=17](http://perepis2002.ru/index.html?id=17).
- Pustai, Ya. (2018). Aktualnyye mysli o polozhenii finno-ugorskikh yazykov Rossiyskoy Federatsii. In: *Problemy mariyskoy i sravnitel'noy filologii: sbornik statey*. Yoshkar-Ola: [b. i.]. 46—52. (In Russ.).
- Rossiyskaya knizhnaya palata*. Available at: [www.bookchamber.ru](http://www.bookchamber.ru). (In Russ.).
- Sagitova, L. V. (2017). Globalizatsiya i tataroyazychnyye SMI: stimuly i ogranicheniya razvitiya. In: D. Myuller, M. Vingender (ed.). *Mnogoyazychiye v Volgo-Uralskom regione, 1: Aktualnaya yazykovaya politika i yazykovaya situatsiya*. Frankfurt am Main. 121—132. (In Russ.).

- Sanukov, K. N. (2001). Finno-ugorskiye narody Rossii: problemy natsionalnogo identiteta. *Finno-ugrovedeniye, 1*: 128—140. (In Russ.).
- Shabayev, Yu. P., Vorontsov, V. S., Orlova, O. V., Martynenko, A. V., Mironov, N. P. (2018). Yazykovaya politika i yazykovyye oriyentatsii naseleniya v natsionalnykh respublikakh: konflikt interesov mezhdru gruppami ili nesovershenstvo kulturnykh praktik (na primere regionov s finno-ugorskim naseleniyem). *Voprosy filologii, 1 (61)*: 62—74. (In Russ.).
- Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov.* (2006). Moskva: [b. i.]. (In Russ.).
- Zakon o dobrovolnom izuchenii natsionalnykh yazykov.* Available at: [ntv.ru/novosti/2055940/](http://ntv.ru/novosti/2055940/). (In Russ.).